

Юрий МОГУТИН

«ВЕРНИ МЯ К СВЕТУ...»

Юрий Николаевич Могутин родился в 1937 году в Москве, в семье репрессированного дипломата. Вместе с матерью был выслан из столицы. Войну провёл в эвакуации на хуторе Рассыпное Илекского района Оренбургской (тогда Чкаловской) области. Работал на стройках, матросом на Каспии, служил в авиации. Окончил историко-филологический факультет Волгоградского пединститута, Высшие литературные курсы в Москве, учительствовал, работал в газетах. Автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей СССР. Лауреат Горьковской литературной премии и премий «толстых» журналов. В последние годы полностью ослеп, но продолжает сочинять стихи. Живёт в Москве.

*И то сказать: наш километр —
сто первый.
Злодеи мы. Нас не жалеет Бог.*

Б.А.

Я был никто и жил нигде,
Меня в упор не замечали,
Но настучали по балде,
Когда кемарил в их подвале.

Их привели ко мне следы.
Я клялся им, что завтра съеду.
Но им всё было до звезды
В ту приснопамятную среду.

И я отчалил из Москвы
Чуть свет по направленью
к Минску,
Где хворь моя, ища жратвы,
К толпе протягивала миску...

Что ни случилось — всё поделом,
Всё — по моим грехам.
Ругани ржавый металлолом
(Чтоб веселей пахал).

Страх уподобиться ковылю,
Овощу, резеде,
Быть в этой жизни равным нулю
Подстерегал везде.

Бог с ней, с карьерой! Я не о том,
Ни о каких чинах.
Просто обрыдло ходить гуртом,
Расчеловечиться — страх.

Страх оказаться вдруг не у дел
Подле чужого огня...
Перья макая то в кровь, то в мел,
Пишут стихи меня.

Меня встречали по одежке,
А провожали тоже плохо —
Под неусыпным взором ВОХРа
И секретарши-голоножки.

Их не устраивал мой профиль,
Мой малый стаж и резюме,
И то, что я ни в чём не профи,
И что родители в тюрьме.

Меня от голода шатало,
Сквозь дыры валенок жёг снег.
Сквозь слёзы солнце хохотало,
А может, плакало сквозь смех.

Барашки туч у небосклона
Напоминали калачи,
И несъедобная ворона
Кричала хрипло с каланчи.

Всё ж я не сдох, живу в столице.
Стал забывать, как жил в аду.
Но снова «праведные лица»
Визжат: ату его, ату!

Меня встречали по обложке,
А провожали по стихам.
И плач сиротский неотложки
До поздней ночи не стихал.

В штормующем безумном веке
Душа дрейфует без руля.
Куда грести слепцу-калеке?
Удрали крысы с корабля.

*Поэт нисколько не опасен,
Пока его не разозлят.*

Н. Р.

Был ручным, как граната,
и безопасным, как бритва,
Драку и мат предпочитал
молитвам.

Всласть нахлебавшись
брошенности сиротской,
Не просекал, что жизнь
не должна быть скотской.

Слепоглухонемая вещь не
в себе — Фортуна —
Мимо меня просвистала в сторону
что ли Хартума.
В поисках этой вещи я обыскал
округу,
А неудачи тем часом крались
за мной по кругу.

Исподволь прорастали, словно
Чернобыль, пустошь;
Сумерки, старость, глаз покупной
на скотче
И ожиданье — когда мне грехи
отпустишь
И подобреешь ко мне,
Авва Отче?

Слепой, собираю углы башкой.
Сколько стёкол собой раскокал,
Порываясь летать, как сокол,
Тротуар простукивая клюкой.

Фишка выпала «пусто-пусто»,
Как пустые мои глазницы.
Мой Господь не даёт мне спуска,
Попустив на меня столицу.

И ведь я не один такой.
Златоглавая, береги нас!
Но тебе дороже твой бизнес.
А слепцу выживать легко ль?

Этот рыночный бег шакалий
Среди офисных зазеркалий.
Выпадаю из всех реалий
На Никитской, Тверской-Ямской.

Зрячий мир на слепца набьчен,
Весь из рытвин и поперечин.
Будь хоть гений ты, ты обычен,
Слаб, увечен, раним, невечен.

День гудит, точно рой осиный;
Пахнут улицы мокрой псиной,
Увлекают в метро насильно
В мешанину чужих наречий.

Прагматичный, бесчеловечный,
Мир являет себя из мглы.
Натыкаясь на борзых встречающих,
Собираю башкой углы.

Борьба борьбы с борьбой,
Вражда вражды с враждою...
Кто борется с нуждой,
А я с самим собою.

С проклятой слепотой
Средь гибельного мрака,
Где разве что святой
В отчаянье не плакал.

Мир нежится в лучах
Сияющего света.
Лишь чёрный мрак в очах
Ослепшего поэта.

Безвидна жизнь. Враги —
И те проходят мимо.
Бог встал не с той ноги?
Судьба неумолима...

Всё тоньше жизни нить.
К ненастью травмы ноют.
И некого винить
В случившемся со мною.

Железом пахнет кровь,
Изменой — клятвы женщин.
Сквозь мой дырявый кров
Весна роняет жемчуг.

Хрустальная роса
На солнце не в обиде.
Верните мне глаза,
Чтоб пир весны я видел.

Небесному Творцу
В безлюдье помолиться...
Подходит срок к концу
Пожизненной темницы.

Меня стращали, и не пущали,
И обещали мне пятый угол.
Мой век увечный, недолговечный
Оставил Google и в небо убыл.

Так происходит по Слову Божью:
Взмывают души к Владыке Мира
И приникают к Его подножью.
И дышит небо грозой и мирром.

И как реклося об этом Свыше,
Так суждено тому и быти:
Слепой прозрел,
Глухой стал слышать,
Немой стал снова говорить.

Но мир как прежде в грызне
и корче
Не слышит зова любви
Господней.
Верни мне зренья, Владыко
Творче,
Верни мя к свету из преисподней.

Душеполезные слова
В нас вызревают прикровенно,
Как в океане острова
Вдруг появляются из пены.

Душеполезные дела
Зачистят совесть от коросты,
И станут праздными вопросы,
Как нам избавиться от зла.

Богобоязненный народ
Оставит моду гадить в храмах,
Иконы жечь и славить хама,
В Алжир* упекшего сирот.

Совдеп почил, развеян в прах,
Давно культ личности развенчан,
Но до сих пор сидит в мозгах
Недоброй памяти Зловрентий.

*Акмолинский Лагерь Жён Изменников
Родины – АЛЖИР

Безбожный строй пошёл ко дну,
И честь героя на кону –
Слабо геройствовать вне строя?
Чьи беспастушные стада
Комунистичегокуда
Заждались нового героя.

И кто кого в итоге съест:
Ильич Хруща? XX-й съезд?
Иль перестройка их обоих?
Бурлит Болотная байда,
Комунистичегокуда?
Чубайс и прочие ковбои.

Они народ не пощадят,
И на советских площадях
Сгустится воздух от проклятий.
Ошеломлённая страна
Хлебнёт бесправия сполна
От пьяных ельцинских объятий.

Ущелье выдавит ужа,
А туча выпустит стрижа,
Гора наморщит лоб гранитный.
Архар на круче антраша
Задаст, от страха чуть дыша,
Умчит с проворностью завидной.

Волчица входит в злой поток,
Переплывает поперёк
Глухие водяные всхлипы;
Добытчик вышел за порог,
Он для волчицы приберёт
Жакан и сапоги без скрипа.

В сем мире соединены
Судьба и смерть, как две сестры,
И ходят целый день по кругу;
Волчица ходит за козлом,
Но тут охотник как назло
Убийственную вскинет руку.

мезозой тусовался местами
с триасом
а триас полосатым казался
матрасом

целый город свиньёй наступал
на меня
кровожадно креня алебарды
Кремля
из расстрельных траншей
поднялись мертвецы
ловкачи стукачи работяги певцы

и пока мертвецы отрясали прах
я засёк: расстояние терпит крах
тут из недр истошно труба
протрубила
джинн схватил своё страшное
проторубило

и рассёк меня надвое взмахом
косым
и с рычаньем швырнул
половинки в Гольфстрим
и в воде остужались они до шипа
врачевались набухшие в тряске
ушибы

и швыряло меня из огня
в полымя
и срастались шипя половинки
меня

глубоко под землёй бесновались
Гераклы
чтобы всё это видел сейсмолог
Ираклий
и поведал в стихах о событиях
сих
не сочтите что автор болтун
или псих

ВСЁ!
ПЛАНЕТА ЗАКРЫТА
ПО ТЕКТОНИЧЕСКИМ
ПРИЧИНАМ

Нарезать вам, или куском?
Блеснёт судьбы блесна —
Айва, покрытая пушком,
в Малевиче окна;
Скрипучий посвист колеса
в зелёнке липких трав.
Иные нынче голоса, иной
у века нрав.

Нарезать вам, или куском подать
весь этот бред?
Изобразить одним мазком
кромешный ад и свет?
Фортуны катится арба сквозь
сплохи огня.
Не искушай, беда-судьба,
без-смертием меня.

Высокая аллея звёзд, латунная
луна
И, растянувшаяся в рост,
похмельная страна.
Бурлит в кастрюлях неземных
инопланетный борщ.
«Соображают на троих» калека,
мент и бомж.

Как сим троим стране помочь?
Они — наперечёт.
Заделать брешь, откуда прочь
материя течёт?
Отправить Жучку на Луну,
поэта посадить?
Большую выиграть войну?
Сюжет теряет нить...

Видать, всерьёз зашли в тупик
калека, мент и бомж.
И смотрит гипсовый на них
Бруевич, он же Бонч.
Опричников промчалась рать:
быть смуте, быть беде.
Привычно жить и умирать
нам в Золотой Орде.

А я, представьте, не подох,
Хоть за подачкой не ходок:
Судьба не каждому даётся.
Моя — транзит по городам,
Где бомжевал и голодал,
Вкушая прелести сиротства.

Страна — калечный, тощий зверь,
Изнемогая от потерь,
Забыла думать о приплоде.
И стая брошенных щенков
Средь зуботычин и пинков
Скулит и ластится к свободе.

И я один из малых сих,
Жующий хлеб, грызущий жмых,
Одетый в сырые заплаты,
В глаза не видевший отца,
Не понимавший до конца,
За что плачу такую плату.

Ушёл в себя. Вернусь не скоро,
Чтоб никому не докучать.
Гнобим литературной сворой,
Давно не шлю стихи в печать.

Где цензора прищур недобрый
Мне инквизицией грозит.
— Не ешь меня! Я несъедобный —
Костистый загнанный пиит.

Иона проглотил кита,
Иль кит его во время оно,
Но выплыл цел пророк Иона
С честной молитвой на устах.

И тут пути их разошлись,
А там их поглотила вечность;
Душа пророка взмыла ввысь,
Кит обратился в бесконечность.

И раб, поднявшийся с колен,
И грозный лев, и царь
в порфире —
Все обратятся в прах и тлен.
Мы все лишь гости в этом
мире.

Над бездомным судьба нависла,
как стон,
Для него контейнер
с отбросами — стол.
Богоравная рвань, сам себе
пан-байрон,
Открывает гортань посреди
похорон.

Собирает с могилек дань:
стопарь, бутерброд.
Стопаря не найдёт — уйдёт,
отирая рот,
Попрочистить горло водой
да чужой бедой.
И нельзя понять, он старый
иль молодой?

Впереди — Таганка, урки, бомжи;
На хвосте консервная банка;
кастеты, ножи;
В тупичке Хохловском —
бесплатный суп

С вывескою столовской —
«хлюп-хлюп».

Кошельков и сумок торчат
животы,
Набивают внутренности,
разевают рты.
Бомж ли им не родственник —
дышащий мешок
С музыкой голодной пустых
кишок?

А в проулке Банном не видно
бань,
Но в проулке Банном есть
баю-бай.
И, гонимый ветром, как мотылёк,
Бомж взлетает на ночь под
потолок.

Там чердак, опилки —
его «кровать»,
До утра он просит не кантовать.
Видит сон: суббота, паперть, еда...
Нищенская свобода, голь-слобода.

Я столько обижал Творца,
Что грех рассчитывать
на милость.
Предобрый Спас, прости слепца
За всё, что криво получилось.
За жизнь нескладную мою,
За всех, обиженных случайно,
За несуразную семью,
Распавшуюся изначально.

Теперь я стар и нездоров,
Забыв людьми и брошен
властью,
И нет на свете докторов,

Чтоб вызволили из напасти.

Лишённый красок бытия,
Я вопрошаю безутешно:
Зачем Творцу вот этот я —
Безглазый червь во тьме
кромешной?
И что мне весь роскошный мир:
Сибирь в снегах и блеск Парижа,
Луга в росе, Байкал, Памир, —
Когда я этого не вижу!

Промчался век и был таков,
Ни славы, ни богатств,
ни слеси...
Неужто груз моих грехов
Терпенье Бога перевесил?

Слепых я, Господа не вижу,
Но свято верую в Него.
И дата встречи с Ним всё ближе:
Успенье или Рождество?

Уже неделю мне не спится,
Теснят кошмары о Христе.
Великопостная седмица;
Распяли Бога на кресте.

Как выжить смертному среди ада
Объятых злобой площадей,
Где даже Богу нет пощады
От Им же созданных людей?

Один в Христа вбивает гвозди,
Другой вонзил в Него копьё.
Страшны, Израиль, твои козни
И христорочество твоё!

Зачем Господь к убийцам в руки
Отправил Сына Своего?

Ведь в царстве зла Христовы
муки
Не изменили ничего:

Как прежде, тюрьмы не пустеют
И отдалённые места,
И род людской не стал добрее
Со дня распятия Христа.

И я не чище сих злодеев:
Злословлю, гневаюсь, грешу
И на потребу прохиндеев
Чушь несусветную пишу.

Выносят плащаницу храмы;
Печален погребальный звон.
Во мне болят Христовы раны,
Как будто я был с Ним казнён.

Как будто вор я и разбойник,
Уверовавший во Христа,
Был снят с позорного креста
И принят в райских куцах Горних.

А это потому, что Спас
Спасает души обречённым
И жизнь дарует заключённым
В последний перед казнью час.

